

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИТАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ПЕРИОД РЕФОРМ ДЭН СЯОПИНА 1970-Х ГГ.

Ци Гаомэн

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
qgm788@qq.com

ECONOMIC ASPECTS OF CHINESE DIPLOMACY DURING DENG XIAOPING'S REFORMS OF THE 1970S

Qi Gaomeng

Summary: The article reconstructs the economic dimension of Chinese diplomacy in the second half of the 1970s as a key mechanism for the PRC's transition from a foreign policy logic of ideological mobilization to the pragmatics of modernization-oriented development. It demonstrates that, against the background of the exhaustion of the autarkic model and growing technological lag, the diplomatic service was reoriented toward the systematic attraction of capital, technologies, and managerial practices, while overseas missions effectively acquired the functions of analytical centers for economic intelligence and negotiation platforms. The role of the "diplomatic breakthrough" of 1978–1979 is examined, including the applied character of high-level visits, the normalization of relations with Japan and the United States, the diversification of European technological sources, and the institutional preparation of conditions for special economic zones and joint ventures. The analysis emphasizes that integration into international financial structures and adaptation to trade norms were accompanied by complex balancing between sovereignty and openness, as well as by a transformation of China's rhetoric toward "mutual benefit" and "peaceful development." As a result, diplomacy appears not as an auxiliary, but as a system-forming instrument of accelerated restructuring of the national economy and the formation of a stable external reputation as a reliable partner.

Keywords: Chinese diplomacy, economic reforms, open-door policy, economic modernization, international cooperation.

Аннотация: Статья реконструирует экономическое измерение китайской дипломатии второй половины 1970-х гг. как ключевой механизм перехода КНР от внешнеполитической логики идеологической мобилизации к прагматике модернизационного развития. Показано, что на фоне исчерпания автаркической модели и нарастающего технологического отставания дипломатическая служба была переориентирована на системное привлечение капитала, технологий и управленческих практик, а зарубежные представительства фактически приобрели функции аналитических центров экономической разведки и переговорных площадок. Раскрывается роль «дипломатического прорыва» 1978–1979 гг.: прикладной характер визитов высшего руководства, нормализация отношений с Японией и США, диверсификация европейских технологических источников, а также институциональная подготовка условий для специальных экономических зон и совместных предприятий. Анализ подчеркивает, что интеграция в международные финансовые структуры и адаптация к торговым нормам сопровождалась сложным балансированием между суверенитетом и открытостью, а также трансформацией риторики Китая в сторону «взаимной выгоды» и «мирного развития». В результате дипломатия предстает не вспомогательным, а системообразующим инструментом ускоренной перестройки национальной экономики и формирования устойчивой внешней репутации надежного партнера.

Ключевые слова: китайская дипломатия, экономические реформы, политика открытости, модернизация экономики, международное сотрудничество.

Введение

Трансформация внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики во второй половине 1970-х годов представляет собой один из наиболее фундаментальных поворотов в истории международных отношений XX века, предопределивший не только траекторию развития самого Китая, но и глобальную архитектуру экономики. Находившаяся в сложном положении национальная экономика к середине десятилетия требовала кардинального пересмотра подходов к взаимодействию с внешним миром, что диктовалось нарастающим технологическим отставанием от индустриально развитых стран и необходимостью обеспечения продовольственной и промышленной безопасности государства. Сформировавшаяся к тому времени геополитическая конфигурация, характеризовавшаяся жестким

противостоянием в рамках биполярной системы, открывала перед Пекином узкое, но стратегически важное окно возможностей для маневра, которое китайское руководство, возглавляемое прагматичным крылом партии, решило использовать для реализации программы «четырёх модернизаций». Принятие курса на открытость внешнему миру не было спонтанным решением, а являлось результатом длительной внутрипартийной дискуссии и тщательного анализа международной обстановки, в ходе которого экономические императивы [7, с. 117] постепенно вытесняли идеологические догмы в качестве основного драйвера дипломатической активности.

Дипломатия в этот период перестала функционировать исключительно как инструмент идеологической экспансии или обеспечения военной безопасности, приобретая черты сложного механизма по привлечению

капитала, технологий и управленческого опыта. Переосмысление роли внешней торговли, которая ранее рассматривалась лишь как средство восполнения дефицита, привело к формированию новой концепции, где экспортно-импортные операции становились катализатором внутреннего роста. Китайские дипломаты, работавшие в странах Запада и Японии, получили негласные, а затем и официальные директивы по изучению передового опыта организации производства, что фактически превращало посольства и торговые представительства в аналитические центры по сбору экономической информации. Этот процесс сопровождался сложной институциональной перестройкой, требовавшей от кадров дипломатической службы новых компетенций, выходящих за рамки традиционного политического анализа и протокола.

Существенным фактором, влиявшим на формирование новой экономической дипломатии, стало осознание китайским руководством глубины разрыва в уровне производительности труда и технологической оснащенности по сравнению с соседними странами Восточной Азии, которые демонстрировали высокие темпы роста. Визиты правительственных делегаций в страны Западной Европы и Японию в 1978 году сыграли роль когнитивного шока, наглядно продемонстрировав масштабы необходимой модернизации и укрепив уверенность в безальтернативности интеграции в мировую экономическую систему [3, с. 120]. В этом контексте дипломатические усилия были переориентированы на создание благоприятного внешнего климата, который позволил бы Китаю получить доступ к международным кредитным ресурсам и передовым технологиям без ущерба для суверенитета, что требовало филигранной работы на международной арене и умения балансировать между интересами различных центров силы.

Экономические аспекты дипломатии этого периода нельзя рассматривать в отрыве от эволюции теоретических воззрений руководства КНР на природу международных отношений, где концепция «трех миров» трансформировалась в инструмент обоснования сотрудничества с развитыми капиталистическими странами, которые рассматривались как источник необходимой модернизационной базы. Дипломатическая активность конца 1970-х годов заложила фундамент для создания специальных экономических зон, ставших шлюзами для взаимодействия с мировым рынком, и обеспечила правовую базу для притока прямых иностранных инвестиций, что было беспрецедентным шагом для социалистической экономики того времени. Исследование этого периода позволяет выявить глубинные механизмы, позволившие Китаю в сжатые исторические сроки трансформировать свою роль в международном разделении труда и создать уникальную модель развития, сочетающую плановое управление с рыночными механизмами и активной внешнеэкономической деятельностью.

Результаты и обсуждение

Начальный этап переориентации китайской дипломатии на решение сугубо экономических задач можно отнести к периоду восстановления Дэн Сяопина в должностях в середине 1970-х годов, когда была сформулирована «Программа общего упорядочения», предполагавшая, среди прочего, расширение внешней торговли для ускорения индустриализации. В этот период китайское руководство столкнулось с объективной реальностью: автаркическая модель развития исчерпала свои возможности экстенсивного роста, а технологический разрыв с развитыми странами продолжал увеличиваться. Дипломатические каналы [12, с. 7] начали использоваться для осторожного зондирования почвы относительно возможности закупки комплектного оборудования и технологий, причем этот процесс шел параллельно с политической нормализацией отношений со странами Запада. Уже в 1974-1975 годах, несмотря на сложную внутриполитическую обстановку, наблюдалась активизация контактов с европейскими странами и Японией, что создало предпосылки для последующего рывка. Ключевым моментом стало понимание того, что политические разногласия не должны служить препятствием для взаимовыгодного экономического обмена, что для того времени являлось смелым доктринальным сдвигом.

Переломным моментом в экономической дипломатии стал 1978 год, который исследователи справедливо называют годом «великого дипломатического прорыва», непосредственно связанного с подготовкой к запуску политики реформ и открытости. Серия зарубежных визитов высших руководителей КНР, включая визиты Гу Му в Европу и Дэн Сяопина в Японию, Сингапур и США, имела не столько протокольный, сколько прикладной экономический характер. Отчеты делегаций, посетивших Западную Европу, содержали шокирующие для партийной элиты данные о высоком уровне автоматизации производства, эффективности управления и уровне жизни населения, что послужило мощным катализатором для принятия решения о смене курса. Дипломатам была поставлена задача не просто представлять страну, но и активно искать партнеров, готовых предоставить кредиты и технологии на приемлемых условиях, что требовало от внешнеполитического ведомства освоения новой лексики и понимания механизмов функционирования рыночной экономики.

Особое место в экономической дипломатии этого периода занимали отношения с Японией, которые стали своего рода полигоном для отработки новых моделей сотрудничества. Подписание Долгосрочного торгового соглашения в феврале 1978 года, а затем и Договора о мире и дружбе в августе того же года, открыло шлюзы для масштабного притока японских технологий и капитала. Уникальность ситуации заключалась в том, что китайская дипломатия [1, с. 151] сумела грамотно ис-

пользовать чувство исторической вины Японии и ее заинтересованность в китайских энергетических ресурсах (нефть и уголь) для получения льготных кредитов в рамках Официальной помощи развитию (ODA). Япония стала первым государством, предоставившим Китаю крупные йеновые займы, которые были направлены на модернизацию инфраструктуры — портов, железных дорог и электростанций, необходимых для обеспечения экспортного потенциала прибрежных провинций. Это сотрудничество стало модельным: китайская сторона предоставляла сырье и рынок, а японская — капитал и технологии, что полностью укладывалось в прагматичную логику реформ.

Нормализация отношений с Соединенными Штатами Америки, завершившаяся установлением дипломатических отношений 1 января 1979 года, также имела мощный экономический подтекст, часто заслоняемый геополитическим треугольником «Китай-США-СССР». Для Пекина отношения с Вашингтоном были ключом к вступлению в международные финансовые организации и получению статуса наибольшего благоприятствования в торговле. Китайские дипломаты провели колоссальную работу по разблокированию замороженных активов [9] и урегулированию взаимных претензий, что было необходимым условием для начала легального экономического сотрудничества. Визит Дэн Сяопина в США в начале 1979 года носил подчеркнуто деловой характер: посещение заводов Ford, Boeing и космического центра NASA демонстрировало приоритеты китайского руководства. Результатом этих усилий стало подписание Торгового соглашения в июле 1979 года, которое предоставило Китаю доступ к американскому рынку и, что более важно, к системе высшего образования США для подготовки кадров.

Европейский вектор экономической дипломатии развивался под знаком диверсификации источников технологий, чтобы избежать чрезмерной зависимости от одного партнера. Китай активно развивал отношения с ФРГ, Францией и Великобританией, заключая контракты на поставку целых заводских комплексов. Примером может служить контракт с западногерманскими и японскими фирмами на строительство металлургического комбината в Баошане, который стал флагманом китайской модернизации. Дипломатические представительства в Европе работали в режиме постоянного мониторинга технологических новинок, организовывая стажировки для китайских инженеров и управленцев. Важным аспектом [5, с. 45] было то, что Китай начал признавать права интеллектуальной собственности и международные торговые нормы, что требовало серьезной адаптации внутреннего законодательства и изменения риторики на международной арене.

Создание специальных экономических зон (СЭЗ) в провинциях Гуандун и Фуцзянь потребовало специфиче-

ского дипломатического сопровождения, направленного на работу с китайской диаспорой (хуацяо) в Гонконге, Макао и Юго-Восточной Азии. Дипломатия в отношении соотечественников приобрела прагматичный характер: призывы к патриотизму подкреплялись созданием преференциальных условий для инвестиций. Именно капитал хуацяо [15, с. 47] стал первым, кто пришел в создаваемые зоны, и роль дипломатов в убеждении осторожных инвесторов, опасавшихся национализации и политической нестабильности, была критически важной. Консульские службы упрощали визовые режимы, а торговые представители проводили разъяснительную работу, гарантируя сохранность вложений, что постепенно ломало стену недоверия.

Существенной трансформации подверглась и структура внешней торговли, что отражало успехи экономической дипломатии: переход от централизованной монополии Министерства внешней торговли к более гибкой системе, где право выхода на внешний рынок получили провинции и отдельные предприятия. Дипломаты были вынуждены учиться лоббировать интересы не только государства в целом, но и конкретных экономических субъектов, что было абсолютной новацией для плановой системы. В этот период закладываются основы для создания совместных предприятий, и первый закон о совместном капитале, принятый в 1979 году, стал результатом тщательного изучения дипломатами и юристами зарубежного опыта. Китайские переговорщики [10, с. 160] демонстрировали удивительную гибкость, соглашаясь на условия, которые ранее считались неприемлемыми, ради достижения стратегической цели — получения доступа к управленческим ноу-хау.

Восстановление членства Китая в МВФ и Всемирном банке в 1980 году стало кульминацией усилий по интеграции в мировую финансовую систему, потребовавшей филигранной дипломатической игры по вытеснению представителей Тайваня при сохранении конструктивных отношений с западными акционерами этих организаций. Китайские дипломаты смогли убедить мировое сообщество в надежности Китая как заемщика и партнера, несмотря на сохраняющиеся идеологические различия. Подготовка меморандумов [4, с. 98] об экономическом положении страны, необходимых для вступления, стала школой для китайских экономистов, учившихся говорить на одном языке с международными финансовыми институтами. Это позволило открыть кредитные линии, которые были использованы для модернизации образования и сельского хозяйства.

Необходимо отметить и изменение подходов к импорту технологий: от закупок отдельных образцов для копирования к приобретению лицензий и технологических линий. Этот сдвиг требовал более сложного переговорного процесса, включающего вопросы обучения персонала и сервисного обслуживания. Дипломатиче-

ская поддержка таких контрактов включала в себя обеспечение государственных гарантий и создание механизмов арбитража. Китайская сторона [2, с. 39] активно использовала конкуренцию между западными фирмами, добываясь наиболее выгодных условий, что свидетельствовало о быстром росте профессионализма внешне-торговых кадров. Политика «рынок в обмен на технологии» начала формироваться именно в эти годы, хотя ее полная реализация пришлось на более поздний период.

Особый интерес представляет взаимодействие Китая с развивающимися странами в контексте экономических реформ. Не отказываясь от риторики солидарности с «третьим миром», Пекин начал переводить помощь этим странам на более прагматичную основу, сокращая безвозмездные субсидии и переходя к взаимовыгодным проектам подряда и экспорта рабочей силы. Это позволило снизить нагрузку на бюджет [13, с. 155] и одновременно использовать накопленный опыт строительства инфраструктурных объектов для зарабатывания валюты. Дипломатические миссии в Африке и Азии стали активнее продвигать китайские строительные услуги и товары, что также маркировало отход от чистой идеологии к экономической целесообразности.

Анализ дипломатической переписки и мемуаров того времени показывает, что внутри китайского внешнеполитического истеблишмента существовал консенсус относительно приоритетности экономического развития, однако методы его достижения вызывали дискуссии. Вопросы о допустимой степени иностранного участия в экономике, о долговой нагрузке и о сохранении культурной идентичности [8, с. 61] постоянно обсуждались в ходе выработки переговорных позиций. Тем не менее, общая линия Дэн Сяопина на то, что «неважно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей», стала императивом для дипломатов, развязав им руки для поиска нестандартных решений. Гибкость китайской дипломатии проявилась и в умении разделять политику и экономику (*seikei bunri*), что было особенно заметно в отношениях с Японией и некоторыми странами Западной Европы.

Важным экономическим аспектом дипломатии стало и решение вопросов, связанных с государственным долгом прежних правительств Китая. Хотя КНР официально не признавала долги цинского и гоминьдановского периодов, в ходе переговоров с Великобританией и США были найдены компромиссные формулы («урегулирование активов»), позволившие снять формальные препятствия для выхода Китая на рынки облигаций. Эта прагматичность [11, с. 174] продемонстрировала инвесторам, что новый Китай готов играть по правилам, принятым в цивилизованном финансовом мире, если это сулит выгоду. Репутация надежного партнера становилась важнейшим нематериальным активом, который дипломаты тщательно оберегали.

Взаимодействие с международным бизнесом также выявило необходимость реформы внутреннего законодательства и системы образования. Дипломаты, возвращавшиеся из зарубежных командировок, становились проводниками идей о необходимости обучения студентов праву, экономике и менеджменту за рубежом. Масштабная программа отправки студентов в США, Европу и Японию, начавшаяся в конце 1970-х, была не просто образовательным проектом, но и частью долгосрочной экономической стратегии [6, с. 259]. Дипломатические ведомства курировали эти обмены, понимая, что через десять-пятнадцать лет эти люди станут основой для технологического рывка страны.

Параллельно с этим происходила трансформация самого образа Китая на международной арене: из страны, экспортирующей революцию, он превращался в страну, жаждущую модернизации. Этот ребрендинг был блестяще осуществлен китайской дипломатией через серию интервью высших лидеров западным СМИ, участие в международных выставках и открытие страны для иностранного туризма. Туризм [14, с. 249] рассматривался не только как источник валюты, но и как канал «народной дипломатии», способствующий улучшению инвестиционного климата. Создание инфраструктуры для приема иностранных гостей также курировалось на высоком уровне и требовало привлечения иностранного опыта, переговоры о котором вели дипломаты.

Экономические аспекты дипломатии КНР в период ранних реформ не ограничивались лишь торговыми сделками. Это была комплексная стратегия по встраиванию огромной страны в глобальные производственные цепочки, реализация которой потребовала пересмотра многих фундаментальных принципов внешней политики. Дипломатия стала передовым отрядом модернизации, обеспечивая приток ресурсов, необходимых для внутренних преобразований, и создавая пояс безопасности через экономическую взаимозависимость с соседями. Успех этой стратегии был предопределен сочетанием политической воли руководства, профессионализма дипломатического корпуса и благоприятной международной конъюнктуры, которую Пекин сумел использовать с максимальной эффективностью.

Выводы

Подводя итог анализу экономических аспектов деятельности китайской дипломатии в период запуска политики реформ и открытости, следует констатировать, что именно в эти годы был совершен фундаментальный переход от идеологически детерминированной внешней политики к прагматичной стратегии, ориентированной на национальные интересы развития. Дипломатическая служба Китайской Народной Республики сыграла роль ключевого интерфейса между архаичной внутренней экономической структурой и динамичным внешним

миром, обеспечив не только трансфер технологий и капитала, но и, что более важно, трансфер идей и управленческих практик. Успех «четырёх модернизаций» был бы невозможен без создания благоприятного внешнего контура, который дипломаты выстраивали через систему двусторонних договоров, участие в международных организациях и формирование атмосферы доверия с западными партнерами.

Правовая база, сформированная в результате дипломатических усилий конца 1970-х годов, стала фундаментом для последующего «экономического чуда». Договоры о торговле, защите инвестиций, избежании двойного налогообложения и научно-техническом сотрудничестве создали каркас, внутри которого стало возможным безопасное взаимодействие социалистической плановой экономики с глобальным капиталистическим рынком. Этот опыт показал, что дипломатия может быть эффективным инструментом экономического роста, если она опирается на четкое понимание внутренних потребностей страны и трезвый анализ международной обстановки. Китайский опыт использования

внешнеполитических рычагов для внутренней модернизации остается уникальным примером государственной мудрости и стратегического планирования.

Перспективы применения полученных результатов исторического анализа данного периода выходят далеко за рамки чисто академического интереса. Изучение механизмов, с помощью которых Китай сумел преодолеть изоляцию и технологическое отставание, представляет ценный материал для понимания процессов глобализации и трансформации экономических систем. Модель взаимодействия государства и внешнего рынка, выработанная в ходе реформ Дэн Сяопина, демонстрирует эффективность поэтапного, контролируемого открытия экономики, где дипломатия выполняет функцию фильтра и адаптера. В современных условиях, когда мировая экономика вновь сталкивается с фрагментацией и протекционизмом, обращение к опыту конструктивного экономического диалога между различными политическими системами, имевшему место в 1970-х годах, представляется особенно актуальным для выработки новых подходов к международному сотрудничеству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нармаев М.Б. Новые концепции китайской дипломатии после XX съезда КПК // Казачество. 2023. № 68 (3). С. 149-157.
2. Портяков В.Я. Коммунистическая партия Китая и политика внешнеэкономической открытости // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 7. С. 34-44.
3. Кривцова Е.П., Ламашева Ю.А. Национальная идея КНР и ее влияние на внешнюю политику государства // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2023. № 26. С. 118-122.
4. Ван Юй. О преемственности во внешней политике Китая от Мао Цзэдуна до Ху Цзиньтао // Международные отношения и общество. 2023. Т. 5. № 3. С. 97-110.
5. Сюй Г., У Я. Идея и особенности партийной дипломатии Коммунистической партии Китая на фоне инициативы "Один пояс, один путь" // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 2 (91). С. 43-46.
6. Чжоу Л. Внешняя политика КНР после XVIII съезда КПК: новые возможности и вызовы (2012-2015 гг.) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2022. № 22-2. С. 258-266.
7. Хэ Ц. Дипломатия великой державы с китайской спецификой: содержание и значимость // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 4 (190). С. 116-128.
8. Xu Bo., Wu H. XI Jinping Thought on Diplomacy and China-Russia Relations in the Context of Major Changes in the International Order // East Asia: Facts and Analytics. 2024. № 3. С. 50-64.
9. Боташева А.К., Горбунов А.П., Панин В.Н. Развитие Китая в контексте политики внешнеэкономической открытости // Вестник Пятигорского государственного университета. 2022. № 3. С. 22-25.
10. Лю С., Лю Ч. Становление дипломатии Китая и его особенности // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 155-162.
11. Островский А.В., Баженова Е.С. Международная научно-практическая конференция "45 лет политики реформ и открытости в КНР: уроки и перспективы" // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 5. С. 173-179.
12. Михеев В.В., Лукокин С.А. Китай накануне 20-го съезда КПК ("Ядро партии", "новая биполярность", экономика замедления) // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 6. С. 5-16.
13. Чжан М. Внешнеполитическая доктрина и дипломатическая практика Си Цзиньпина (2012-2021) // Современная научная мысль. 2021. № 5. С. 152-157.
14. Уянаев С.В. Внутренняя и внешняя политика Китая в текущих официальных документах КНР // Вестник ученых-международников. 2023. № 4 (26). С. 246-258.
15. Лилоян К.А., Симоненко О.А. Взгляды Китая на роль Организации Объединенных Наций и перспективы ее реформирования в современных условиях // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2023. № 26. С. 46-51.